
К 250-ЛЕТИЮ А. ФОН ГУМБОЛЬДТА

Университет Гумбольдта и его альтернативы в условиях рыночной науки*

© 2021 г. И.Т. Касавин

*Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, 603022, просп. Гагарина, д. 23.*

E-mail: itkasavin@gmail.com

Поступила 18.06.2020

В современных рейтингах учреждений высшего образования практически монополюльно лидируют американские университеты (Гарвард, Стэнфорд, Принстон и др.), реализующие идею «предпринимательского университета». Классический европейский университет проигрывает в конкуренции, и идея Гумбольдтовского университета теряет кредит доверия. Авторская гипотеза состоит в том, что историческое своеобразие цивилизационных миссий, элит и форм коммуникации обусловили эти два типа университета. Сравнительная история европейских и американских университетов свидетельствует, что в первом случае ведущую роль играли философы, решая задачи культурной политики, а во втором – менеджеры, побеждая в экономической конкуренции. Европейский и американский университеты являлись в разной пропорции культуuroобразующими центрами и факторами экономического развития. Реформы университета обычно инициировались извне: это его конкуренты и спонсоры, политики и предприниматели. Кто именно берет на себя функции модератора в зоне обмена – ключевой вопрос для судьбы университета. Если кооперацию выстраивает менеджер, ориентированный на бизнес-модель, то университет становится воплощением академического капитализма. Если культурная политика реализуется в междисциплинарном взаимодействии самих ученых, то есть шанс соразмерить развитие университета с гуманистическими ценностями и этосом науки.

Ключевые слова: университет, зоны обмена, медиатор, философия, коммерциализация.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-3-41-46

Цитирование: *Касавин И.Т.* Университет Гумбольдта и его альтернативы в условиях рыночной науки // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 41–46.

* Исследование выполнено по гранту РФФИ № 18-18-00238 «Негумбольдтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры» 2018–2020; И.Т. Касавин, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород; Институт философии РАН, Москва.

The Humboldt-University and Its Rivals Under the Market Science Condition *

© 2021 Ilya T. Kasavin

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240,
Russian Federation; Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23, Gagarin Av., Nizhni Novgorod, 603022, Russian Federation.*

E-mail: itkasavin@gmail.com

Received 18.06.2020

In the modern rankings of higher education institutions almost monopolistic American universities (Harvard, Stanford, Princeton, etc.) play the leading role promoting the idea of the “entrepreneurial university”. The classic European university fails in the competition, and the idea of the Humboldt University is losing credibility. Our assumption is that this situation is in the large part due to the historical identity of civilizational missions, elites and forms of communication (“trading zones”) that initiated these types of universities. The comparative history of European and American universities demonstrates that in the first case philosophers played a leading role in achieving the goals of cultural policy, and in the second, there were managers who won in the economic competition. European and American universities were, in different proportions, culture-forming centers and factors of economic development. University reforms were usually initiated from outside: these are its competitors and sponsors, politicians, and entrepreneurs. Who exactly takes on the functions of the moderator in the trading zones is a key question for the university’s fate. If a business model-oriented manager builds cooperation, then the university becomes the embodiment of academic capitalism. If a cultural policy is implemented in the interdisciplinary interaction of scientists themselves, then there is a chance to measure the university’s development with humanistic values and the ethos of science.

Keywords: university, trading zones, mediator, philosophy, commercialization.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-3-41-46

Citation: Kasavin, Ilya T. (2021) “The Humboldt-University and Its Rivals Under the Market Science Condition”, *Voprosy filosofii*, Vol. 3 (2021), pp. 41–46.

Ubi universitas, ibi Europa

«Где университет, там и Европа», – гласит известная латинская поговорка. Цивилизация европейского пространства в Средние века осуществлялась благодаря двум главным источникам культурной динамики – монастырю и замку. Первые строились святыми, вторые – рыцарями. На излете эпохи и на фоне ослабления церкви и усиления власти светских правителей, под влиянием практических и государственных задач возник новый культурный феномен и социальный институт на пересечении монастыря и замка – средневековый университет.

* Research has been performed within the Russian Science Foundation grant No. 18-18-00238 “Non Humboldt Trading Zones: an idea and project of a new scientific infrastructure” by Ilya T. Kasavin, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; RAS Institute of Philosophy, Moscow.

Рождаясь в основном из церковных школ и легитимируясь папской буллой, первые европейские университеты первоначально были центрами чисто гуманитарного образования в области теологии и философии с опорой на конфессиональные традиции. В наши дни выглядит парадоксом, что именно папская грамота делала университет независимым от местных светских и религиозных властей, наделяя его особым статусом «государства в государстве». Все преподаватели и студенты подчинялись исключительно избранному ректору и декану, никакая иная юрисдикция не имела над ними власти. Современная европейская образовательная система отчасти сохранила университетскую традицию и принятую в то время католическую терминологию: ректор, декан, магистр, мастер, кафедра, колледж. Университетские здания копировали католические храмы, монастыри и замки, а на юге Испании (Саламанка, Кордова) – мусульманские медресе и мечети.

На рубеже XVIII–XIX вв. к радикальной реформе европейского университета, во многом сохранявшего традиционные средневековые черты, привели новые социально-политические и культурные процессы. Главным из них стала Французская революция. Под ее влиянием от 153 университетов континентальной Европы за период с 1789 по 1815 г. осталось всего 83, а из 42 немецких университетов было закрыто 22 [Schelsky 1963, 22–23]. Поскольку власть церкви ослабела, а университеты ассоциировались в первую очередь с этим институтом, то вопрос об отказе от такой формы образования возник сам собой. 10 мая 1806 г. вышел Наполеоновский закон об Университете – центральном учреждении, которое заведует публичным обучением и воспитанием во всей Империи. Централизация и тотальный бюрократический контроль характеризовали французский университет как всеобщую иерархию учебных заведений, в которой низшие уровни подчиняются высшим, а ректор – чиновник, назначенный императором. Государство взяло на себя контроль за едиными и обязательными для каждой специальности учебными планами. Все науки были распределены по отдельным школам; учебный процесс приобрел узкую специализацию; профессиональное образование четко ориентировалось на практику. При этом университет был ограничен лишь образовательными функциями, а ответственными за научные исследования назначили отдельные институты. Новая французская образовательная система выступила утилитаристской альтернативой средневековой университетской практике. Однако она едва ли годилась раздробленной Германии и противостояла синтетической традиции немецкой классической философии.

Реформаторы немецкого университета чисто теоретически могли посмотреть и в другую сторону – за Ламанш – и воспользоваться опытом так называемых древних (ancient) британских университетов. Здесь также царил своего рода монополия, заслужившая ироническое наименование «Оксбридж». Она имела не бюрократическое, а историческое происхождение и характеризовалась тем, что Оксфорд и Кембридж фактически наложили запрет на образование новых английских университетов с XII в. по начало XIX в. В бедной Шотландии за это время возникли 4 первоклассных университета, успешно конкурировавшие с английскими. Однако в начале XIX в. все британские университеты уже не отвечали велеанию времени, и английская наука во многом развивалась параллельно им – как любительское мероприятие в рамках Лондонского королевского общества и других академий. Так что и этой модели высшего образования предстояла скорая реформа.

Возникновение нового университета в Германии: роль философа

Старая университетская система должна быть упразднена, потому что она находится в кризисе и не соответствует современным культурным и политическим потребностям. К такому выводу пришло в начале XIX в. практически все интеллектуальное сословие Германии. И в этом шанс для духовной победы в условиях политического

поражения – так рассуждал Фридрих Вильгельм III, принимая решение о создании Берлинского университета.

Апогей университетского кризиса в 1790-е гг. совпал с новой волной немецкой мысли, освобождавшейся от догматики вольфианской школы, но продолжившей ее акцент на практической философии. Широкое интеллектуальное движение профессоров философского факультета противостояло французской культурной моде и возродило престиж университета как центра творческой мысли. Оно добилось успеха, используя изменение статуса философии в ходе реформы немецкого образования. Философия превратилась из пропедевтики в высшую форму научной мысли. В этом процессе ведущую роль сыграли немецкие «лидеры мнений» – от Шиллера и Канта до Шлейермахера и Фихте, а также политическая активность В. Гумбольдта.

Проект нового немецкого университета имел «отношение к внешнеполитическим амбициям Пруссии, существенно поколебленным наполеоновскими войнами в том, что касается территориальной экспансии, но сделавшим тем более актуальной “экспансию” немецкого духа в области культуры, образования и науки» [Антоновский 2018, 206]. Такая экстерналистская задача должна была обеспечиваться внутренними средствами – созданием единства науки и образования, исследования и социализации под крылом нового университета. Это уже не «башня из слоновой кости», но все же институт с высокой степенью автономии, достаточно определенной и регламентированной, поскольку призван существовать не в форме замкнутой цеховой гильдии, но в открытой конкуренции с другими социальными институтами.

Поэтому Ф. Шлейермахер стоит перед поистине амбивалентным проектом, который требует не только взвешенной аргументации, но политического девелопмента, набора эффективных прокламаций, продвижения силами сплоченной группы единомышленников, имеющей доступ к центрам власти. В условиях наполеоновской цензуры одним из популярных лозунгов являлся призыв к свободе – если не политической, то хотя бы духовной. Отсюда и тезис Шлейермахера: «...не учение само по себе, каким бы оно ни было, является целью университета, а познание; ...там не наполняют память и не обогащают один лишь рассудок, но возбуждают в юношах воистину научный дух, если только он способен изменяться. Это дух, однако, никогда не разовьется в принуждении; такой опыт может лишь осуществляться в горении полной свободы духа» [Шлейермахер 2018, 146–147].

Еще более страстным и рискованным борцом с французской оккупацией выступил Фихте. В 1809 г. он стал формально вторым (после Теодора Шмальца), но первым из избранных ректоров университета и деканом философского факультета. Фихте изначально проникнулся мыслью, что новый университетский проект должен быть направлен на сочетание двух главных идей Просвещения: моральной ценности знания («башня из слоновой кости») и его коммуникативной природы («республика ученых»). В своем эссе «О назначении ученого» Фихте ясно выражает первую из них: «Я – жрец истины, я служу ей, я обязался сделать для нее все – и дерзать, и страдать» [Фихте 1993, 52]. Такое отношение к истине как к олицетворению когнитивной автономии служит в высшей мере личностным обоснованием особого эпистемологического статуса науки.

Фихте, вслед за Кантом («Спор факультетов»), говорил о науке, но имел в виду выдвижение на передовые позиции философии. Философия, будучи столь же фундаментальной наукой, как и теология, противопоставит ей как секулярное предприятие. Одновременно она возвышается благодаря общности своих понятий над правом и медициной. Являясь совокупностью гуманитарных наук, она вместе с тем ориентируется на достижения точного естествознания. Поэтому в системе традиционных университетских дисциплин именно философия заслужила право выйти на передний план, освобождаясь от статуса «пропедевтики». Помимо всего, большинство кафедр и профессоров располагалось на философском факультете, а «ведущие немецкие идеалисты находились среди основных движителей университетской реформы» [Коллинз 2002, 838]. Таким образом философский проект единства науки и образования стал основой

нового исследовательского университета: философия оказалась не просто царицей наук, но главным медиатором зоны обмена, в современной терминологии (П. Галисон, Г. Коллинз).

Промышленная революция и коммерциализация университета

Первые университеты в Северной Америке появились еще в XVII в. Первоначально они были маленькими, бедными, слабыми в научном отношении и мало востребованными образовательными институтами. Для чего же и кем они создавались? Как ни странно, но главной их функцией также было окультуривание территории. Однако на американском континенте еще не было церквей и замков для культурного синтеза, и университеты, хотя и стремились копировать европейские, в сущности, создавались по другому лекалу. Церкви, военные форты, постоялые дворы, аптеки и университеты строились практически одновременно, и все они на свой лад обеспечивали рост стоимости почти бесплатной американской земли. Университет не занимал, тем самым, дорогого городского пространства, но, наоборот, служил одним из ведущих триггеров введения еще не освоенных территорий в земельный оборот. И если главным мотивом в процессе всякого строительства было стремление девелоперов привлечь на новые земли поселенцев и капиталы, то средством этого выступало удовлетворение культурных потребностей населения с помощью конкретных функций тех или иных социальных учреждений. В колониальной Америке основная функция успешно работающего колледжа состояла в воспитании смирения, воздержания и других пуританских добродетелей и лишь второстепенная – в учебной подготовке по классической программе Оксбриджа.

Когда наступила эпоха мировой промышленной революции, опыт создания исследовательского университета в Германии был перенесен на американскую почву. С 1865 по 1910 г. это радикально преобразило академическую карту Америки. Несколько десятков маленьких локальных колледжей превратились в новую университетскую систему образования, претендующую на мировое лидерство. Так американские университеты дали образцы «капиталистического духа», существенно дополнившего порядки классического университета. Истоки современного «предпринимательского университета» и «академического капитализма» коренятся в исходной атмосфере конкуренции, торговли и риска, модератором которой являлся успешный ректор-бизнесмен.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Фихте 1993 – *Фихте И.Г.* О назначении ученого // *Фихте И.Г.* Соч. В 2 т. Т. II / Сост. и примеч. В. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993. С. 7–64 (Fichte, Johann G., *Von den Pflichten der Gelehrten*, Russian Translation).

Шлейермахер 2018 – *Шлейермахер Ф.* Нечаянные мысли о духе немецких университетов / Пер. А.Ю. Антоновского. М.: Канон+, 2018 (Schleiermacher, Friedrich, *Gelegentliche Gedanken ber Universitten im deutschen Sinn*, Russian Translation).

Schelsky, Helmut (1963) *Einsamkeit und Freiheit: Idee und Gestalt der deutschen Universität und ihrer Reformen*, Rowohlt, Reinbek bei Hamburg.

Ссылки – References in Russian

Антоновский 2018 – *Антоновский А.Ю.* Социальная философия науки: немецкая версия. Фридрих Шлейермахер о реформе немецкого университета и роли философского факультета // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 1. С. 204–214.

Коллинз 2002 – *Коллинз Р.* Социология философий. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

References

Antonovsky, Alexander Yu. (2018) “Social Philosophy of Science: German Version. Friedrich Schleiermacher on the Reformation of German University and the Role of Faculty of Philosophy”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 55, No. 1, pp. 204–214 (in Russian).

Collins, Randall (1998) *The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change*, Harvard university press, Cambridge (Russian Translation).

Сведения об авторе

КАСАВИН Илья Теодорович –

доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАН, главный научный
сотрудник Института философии РАН,
главный редактор журнала *Epistemology
& Philosophy of Science*, Москва;
профессор, заведующий кафедрой философии
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского.

Author's Information

KASAVIN Ilya T. –

DSc in Philosophy, Professor, Correspondent
Fellow of Russian Academy of Sciences,
Professor, Main Research Fellow
at the Institute of Philosophy RAS; editor in chief
of *Epistemology & Philosophy of Science*, Moscow;
professor and chair of philosophy,
Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod.